

Дальний ящик

Владимир
НИКОЛАЕВ

Джуна

С САМОГО начала своего существования «Огонек» время от времени писал о науке. Еще в 20-е годы в журнале можно было прочитать о том, что стало занимать буквально всех в последние годы: о телепатии, спиритизме, астрологии и т. п. Тогда же в «Огоньке» много писали о продлении жизни и омоложении стариков. Начиная с 60-х годов освещение науки в журнале обрело некую систему, стало, я бы сказал, серьезнее, солиднее. Случилось так, что именно с научной тематикой был связан самый крупный на моей памяти скандал.

Еще в начале 60-х годов я познакомился с несколькими входившими тогда в моду экстрасенсами, практиками и теоретиками. К ним, например, относились супруги Кирлианы, рентгенологи по профессии, которые с помощью изобретенного ими прибора (нечто вроде телевизора) наглядно показывали, что так называемые биоволны существуют на самом деле. Я помог им издать брошюру об их открытии и изобретении в издательстве «Знание» (тем самым мы сохранили в этом деле приоритет за нашей страной), они стали широко известны в научных кругах на Западе, но не у нас, где пророков не любят. Я организовал о них статью в «Огоньке», причем с цветной вкладкой: на ней были убедительные иллюстрации об их работе.

Когда в Москве появилась известная теперь Джуна, мы с ней познакомились и подружились. Она быстро стала очень популярна, причем не только в нашей стране, но и за рубежом. И вот, когда она была уже в зените своей славы, мы дали о ней в «Огоньке» очерк. Это был отнюдь не панегирик, а очень сдержанный рассказ о ней, нами ставился вопрос: необходимо этот феномен исследовать со всей научной scrupulousностью и только после этого делать какие-то выводы.

Итак, в очередной четверг, как и положено было по производственному графику, я подписал в печать тот самый номер «Огонька», в котором говорилось о Джуне. В типографии после этого начали печатать тираж (на что уходило обычно четыре дня). И вот совершенно неожиданно на следующий день, в пятницу, вечером мне домой позвонил заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК партии В. Севрук. С такими высокими чинами я через домашний телефон никогда не общался. Значит, случилось что-то из ряда вон выходящее. Так оно и оказалось. Севрук спросил, сколько уже отпечатано тиража этого номера «Огонька» (в пятницу утром ЦК партии получал его первые номера с типографской машины). Я ответил, что должны были бы уже отпечатать тысяч шестьсот. Он объяснил: «Звоните от моего имени в типографию, пусть прекра-

тят печатать тираж, а то, что отпечатано, надо немедленно уничтожить. Соберите срочно редакционный коллектив и за субботу подготовьте новый номер «Огонька», но без статьи о Джуне».

Это было неслыханно! В подробности Севрук не вникал. Подобного решения по журналу не было ни разу за всю его историю. Я пытался доказать ему, что все это выльется во многие миллионы рублей убытка, к тому же читатели не получат в срок очередной номер журнала, чего никогда еще не бывало. Но он был категоричен и неумолим. Мне было ясно, что сам он так распорядиться не может, не тот уровень. Значит, просто выполняет чье-то приказание. Но чье? В этом случае возможны были только два варианта: Брежнев или Суслов. Никто другой не посмел бы взять на себя такую ответственность. Мне Севрук, разумеется, не назвал инициатора скандала. Тайна, секретность, святой обет молчания — главный закон партийного аппарата (как у мафии).

Звоню директору издательства «Правда» Б. Фельдману. Хорошо знал его много лет. Великий практик, он, можно сказать, жил в издательстве еще с тридцатых годов. Он был уже в курсе дела и собирался исполнять приказание: тираж печатать прекратили и готовились сжечь то, что отпечатано. Я предпринял отчаянную попытку, чтобы отговорить его от немедленного уничтожения нескольких сот тысяч экземпляров журнала, сказал ему, что сжечь будет никогда не поздно, пообещал ему за два часа добиться отмены этого решения. Он был изумлен: как это я могу не подчиняться решению ЦК?! Все же в результате долгих переговоров я упрямил его не много повременить и отложить это автодафе. Думаю, мне удалось это сделать только за счет наших неплохих личных отношений.

Я начал отчаянно бороться за журнал и за самого себя. Софронов был болен, лежал в больнице после тяжелой операции. За все я в ответе. Если приказ ЦК будет исполнен, значит, меня как минимум выгонят с работы, причем с большим скандалом. Позвонил Севруку, сказал ему, что тираж печатать прекратили, но жечь напечатанное пока не будут. Он был возмущен, естественно. Я ему сказал, что сделать это будет никогда не поздно и что я попробую добиться отмены этого распоряжения. «Да вы знаете, от чего оно исходит?! — зорил Севрук. — Да вы знаете, что только что в Калинин уже выгру-

Тайны придворной летописи

Это название книги о журнале «Огонек», который без малого 70 лет был ведущим советским еженедельником. Все советские лидеры от Сталина до Горбачева, а также их ближайшее окружение, проявляли к «Огоньку» большой интерес. Сталин, например, лично давал подробные указания его первому редактору М. Кольцову, а на своей даче в Кунцево крепил кнопками к стенам вырезки из «Огонька».

Автор публикуемого материала, писатель и журналист Владимир Николаев, трудится в печати с 1947 года, а его огоньковский стаж — 28 лет. Он работал в «Огоньке» при Хрущеве, Брежневе, Андропове, Черненко, Горбачеве, был заместителем двух его главных редакторов — Софронова и Коротича.

зили из поезда Москва — Ленинград тираж, туда предназначенный, и возвращают его в Москву?!». Я ответил ему, что вот привезут его в Москву, тогда и можно будет все вместе уничтожить. Еще я заверил его, что добьюсь отмены этого приказа. Изумлению его не было предела! К тому же он из-за столь неожиданного скандала тот поздний вечер пятницы проводил в своем цеховском кабинете, а не на роскошной партийной даче. Увы, пришлось ему задержаться в кабинете и на ночь!

Тут же я позвонил Джуне. Слава Богу, застал ее. Она уже несколько лет жила в Москве, и у нее были свои влиятельные покровители, на них я и рассчитывал. Рассказал ей, что произошло. Она дала мне два сугубо личных телефона: А. Епишева и Н. Байбакова. Первый был тогда началь-

Не хочу записывать себя в герои, мне было жаль класть голову на плаху, жалко было свою семью, в конце концов было невозможно представить себе, что вся жизнь может сломаться из-за такого идиотизма. Я соображал так: если это Брежнев сам сдурил, то Епишев и Байбаков его обломает, он был отходчив; если же это устроил Суслов, то они через Брежнева отменят это распоряжение.

Вся та ночь с пятницы на субботу прошла у меня без сна у раскаленного телефонного аппарата. То директор издательства звонит и говорит, что собирается начать жечь тираж, то Севрук в который уже раз колотится в истерику, то мы перезваниваемся с Епишевым и Байбаковым. До сих пор удивляюсь, как меня в ту ночь не хватил удар!

Утром позвонил мне Епишев (в который уже раз!):

— Успокойтесь, я же вам говорил, что все будет в порядке. Звоните в издательство и скажите, чтобы продолжали печатать тираж.

Я от души поблагодарил его, а он добавил:

— У меня к вам самая настоятельная просьба: если кто-нибудь попытается вас ругать или наказывать за все, что случилось, позвоните ко мне, обязательно! Иначе я на вас обижусь.

Я отозвался в издательство и Севруку, они уже все знали, тираж снова печатали. Разумеется, я не сказал Севруку, с кем всю ночь имел дело, а он, старая цеховская лиса, и не спрашивал.

Дня через два он вызвал меня к себе, там уже был заместитель начальника Главлита (всей нашей цензуры) В. Солодин. Севрук начал нас ругать за то, что мы пропустили в печать очерк о Джуне. Солодин повел себя очень неглубоко: достал бесконечный список запрещенных к печати тем, «паранормальных» там не было. Мало этого. Он рассказал Севруку, что его дочь со школьных лет заболела астмой, ей не могли помочь ни у нас, ни за границей, мучилась она много лет, пока коллеги Джуны из Тбилиси не вылечили ее. Она не могла ни учиться, ни работать, когда болела, а поправившись, вышла замуж, родила, работает, Севрук с удвоенной энергией принялся за меня, но это из него выходил уже отработанный пар.

Я, как и обещал, сообщил о нашей встрече Епишеву, генерал поблагодарил меня и заверил, что больше ко мне с такими глупостями никто и близко не подойдет. Все это происходило накануне майских праздников, и вот в конце предпраздничного дня в редакции зазвонил правительственный телефон-«вертушка»: это был Севрук:

— Позовите Николаева!

— Его нет, он в типографии (на всякий случай соврала секретарь, зная, что я давно ушел из редакции).

— Позовите кого-нибудь из членов редакционной (Софронов, повторяю, был в больнице).

К счастью, один такой чудак нашелся: Севрук торжественно заявил:

— Прошу вас передать самые наилучшие поздравления и пожелания Софронову, Николаеву, всему коллективу, здоровья вам и успехов! Это было от него первое и последнее такое поздравление за все годы, какие он был на этом месте. А таких лет было много.

Оказалось, что то историческое распоряжение сделал Суслов, самый, наверное, главный мракосбес за всю историю советской власти. Когда Брежневу доложили о случившемся, он прощамкал по поводу Суслова: «Так он у нас давно с ума сошел...» Однако руководство идеологией ему все же доверяли.

— Кто вам спустил это распоряжение?
— Севрук из отдела пропаганды ЦК.
— А кто он такой?
— Заместитель заведующего отделом.
— Владимир Дмитриевич! Вы по своему положению гораздо выше Севрука.

— Я так не считаю.
— Напрасно! Если он еще раз вам позвонит с такими глупостями, просто пошлите его... (далее последовала нецензурная брань).

— Я не могу этого сделать.
— Ладно, не волнуйтесь. Сегодня — пятница, в понедельник все уладим!

Тут уж я просто взмолился, стал объяснять, что такое тираж, остановка работы типографии и т. п. Он понял, тяжело вздохнул и сказал: «Ну вот, вместо отдыха придется вашим делом заниматься. Кому вы еще собираетесь звонить?»

— Байбакову.
— Правильно! Я и сам ему позвоню.

Примерно такой же разговор состоялся и с Байбаковым (только без мата), он тоже все понял и сказал, что начинает действовать. Как и Епишев, попросил меня держать его в курсе всех событий.

После этих переговоров я снова позвонил Севруку. Не ссылаясь на имена, я сообщил ему, что говорил с очень ответственными людьми и что они поддержали мое предложение не жечь тираж журнала, а также обещали уладить дело. Не знаю, какими словами можно передать удивление Севрука. С его точки зрения, я вел себя просто как сумасшедший: столько времени отказывался выполнять решение ЦК!